

Антон СИМОНЕНКО

ОЧЕРЧЕННЫЕ ГЛИНОЙ

Дорога, скользкая после дождя,
шаги, очерченные глиной,
и я не уезжал, хотя
не видел месяц этих линий,
где станция железная шумит,
и папоротники вокруг дымятся,
где дачники, безумные на вид,
раскланиваются и суетятся.

1.

В одиночестве аэроплана
вспоминаю лёгкое касание,
в мелочах и не о главном,
по дороге к городскому саду,
нам казалось, что другой дорогой,
огибающей вопросом поле,
мы идём и ручку двери трогаем,
вот она, и невозможно более
не сказать последних слов.
Но и это, к ужасу, прошло.

2.

Кругом тяжёлая и солнечная осень,
наполненная светом ветреным
и ледяным, ты говоришь вопросами
слоистыми и горькими как дым.
Дыхание сбивается, но греет
сердцебиение, уверенность весны,
откуда радость,
радость в ноябре?
Откуда это чувство новизны?

Антон Симоненко родился в 1986 году. Окончил исторический факультет МПГУ. Лонг-лист премии «Дебют» (2010). Публиковался в антологии «ЛитератураРентген», журналах «Волга» (2013) и «Новый Берег» (2019). Автор книги стихотворений «Зима легка» (2018, *Tango Whiskyman*).

Освободить сперва от снега дверь,
холодной чистоты
в забытой комнате хватило бы на две
забытых комнаты.

Когда тепло от печки к потолку
наполнит дом от потолка до пола,
мы будем спать как будто на снегу
на простыне
под пледами тяжёлыми.

Желания, обиды, день и дым,
берёзы мёртвой залежи,
слоями, как слои воды,
от тёплого к холодному
здесь замерли.

Облако всклокоченных волос,
я знаю это облако, и голос
изменчивый как в ноябре мороз,
далекий и прозрачный, и всего
до моря два прыжка,
печаль и радость вынем из мешка,
колени разобьём, и привкус соли
останется, как тень от облака,
сейчас перебегающая поле.

Дверь открывается, мостки через болото,
малина и сирень остались вдалеке,
и много неподвижности и жизни
одновременно в каждом уголке
осеннем,
всё ещё возможно,
э-эй, Алёшка, дедушка, где вы?
И наступаешь мягко, осторожно,
шуршит трава,
и вон из головы.

Должно быть, неоправданно тепло
и сухо, и частицы пыли
в бензинном воздухе, но облако легло
на небо, мы забыли
о долге и закрыли
глаза.
Осенний дождь в Москве тревожит слух.
Осенний дождь в Каире ближе
к границе редкостей.
Стоишь, как бы к стеклу
в музее прислонившись,
дышишь, дышишь.

Птицы за окном пронзительно как рельсы
пульсируют, гудят,
стальной утробный звук,
жизнь выпустишь из рук –
и унесут синицы,
раскрошат воробьи, перехватив игру.
Резкий скрип дыхания, простые
слова: подай и помоги.
Вложить в слова тепло,
не дать словам остыть,
ведь умирать сегодня не с руки.

Туман сползает с леса к кромке поля
и двигается вниз с водораздела,
как будто входит в медленное море
не пробудившееся утреннее тело.

Туман и море, поле, лес прибрежный,
и лёгкая печаль,
как разговор единственный и нежный
у моего плеча.

Может быть, неровный свет и поле,
плотнее и плотнее, как вода

на глубине, а может, глыбы льда?
а может быть, что более-
менее похоже на тот день,
мы бегали по юрмальскому пляжу,
смеясь и радуясь, что волны пляшут,
и тени пробегают по воде?
А что оцепенение и свист
пронзительный? А может быть, сильней?
Как разогнавшийся мотоциклист,
несущийся в толпу людей.
А может, белый белый снег
и тишина, и каждое движение
не просто, а чего-то отражение?
А может быть...
а может быть, и нет.

Два неповторимо нежных вкуса детства:
вяленые вьетнамские бананы и
ванильный глазированный сырок.
Бананы привозил папа,
возвращаясь из командировок с Байконура,
радость возвращения соединялась
со вкусом лакомства;
сырки, невероятные, покупались по знакомству
в определенном магазине,
их незаметно и аккуратно
доставали из-под прилавка,
завёрнутыми в бумагу.

Много раз, в бесцветные и прозрачные дни, покупал и то, и другое,
и пробовал,
пробовал
в ожидании чуда.

Тяжёлое дыхание и сердце,
сердце занимает полгруды.
Не все умрут, но все изменятся.
Погоди немного, погоди.
По постели, скомканной бессонницей,
словно по пустыне, поползу,
поползу, и темнота закончится,
проскользнёт улыбка по лицу.

Изморось, морока и упадок
отцовской дачи, серый дымный день,
дел множество, дела, дела... и папа
не переделал всех насущных дел.

Сначала отпилить сухие ветки,
их разрубить и развести костёр,
дым к дыму, ветка к ветке, ветер
к ветру, лоскут берёзовой коры –
и всё.

И светлый дым, и тени, и синиц,
и невозможность переделать де-
ла, и линии, и лица,
и искры на воде,

и радости салют
я полюбил,
и до сих пор люблю.